

ционной народной педагогикой, которые должны быть детально изучены для прогнозирования «суммарного» воспитательного эффекта. Продолжение работы по изучению традиционных форм социализации детей, начатое рецензируемыми сборниками, распространение аналогичных исследований на разные регионы нашей страны не только обогатит соответствующие разделы этнографической науки, но и поможет научной организации преподавательской и педагогической деятельности всех работников, на практике занятых воспитанием детей.

Г. В. Старовойтова

Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. 256 с.

Кеты — один из самых таинственных этносов в мире. Их язык, резко отличаясь от языков соседних с ними групп, обнаруживает сходство с языками далеких от них и разобщенных между собой народов — от басков до юкагиров. Кеты — осколок какого-то очень древнего этнического массива. Об их происхождении высказывались самые различные гипотезы, ни одна из которых пока не стала преобладающей. Вот почему такой интерес вызывает рецензируемый сборник, беспрецедентный по объему нового материала и широте охвата проблемы. Представители четырех смежных наук объединили здесь свои силы.

Первая часть сборника — антропологическая. В ней представлены материалы, собранные отрядом под руководством И. И. Гохмана за три полевых сезона (1960, 1965 и 1967 гг.). В труднейших условиях обследованы три группы кетов, туруханские селькупы и кетско-селькупские метисы (см. с. 18). По соматологической программе изучено 208 чел. (в том числе 141 кет), по серологической — вдвое больше. Таким образом, обследована довольно значительная часть маленького кетского этноса. Получены отпечатки пальцев и ладоней. Наконец, собрана коллекция из 22 кетских черепов (прежде имелось лишь 4). Чего это стоило, станет ясным, если учесть, что при раскопках кладбищ приходилось послойно оттаивать мерзлый грунт кипятком, а черепа требовали немедленной мацерации.

В главе 1 И. И. Гохман излагает результаты анализа соматологического и краниологического материалов. Сторонники «нордической теории» будут разочарованы: осветление пигментации у некоторых кетов — следствие русской примеси. Внешний облик «среднего» кета примерно такой же, как и по данным Г. Ф. Дебеца, исследовавшего лишь одну группу. Между тремя кетскими группами, изученными И. И. Гохманом, обнаружилось различия. Наиболее «чистый» кетский тип локализуется в подкаменно-туруханской группе; туруханские и елогуйские кеты смешаны с селькупками. Никаких других сопоставлений на основании соматологических материалов И. И. Гохман не делает, справедливо считая, что сравнивать данные, полученные разными авторами, особенно по наиболее важным, описательным признакам, — занятие малоперспективное.

Иное дело краниология, где цифры гораздо более сопоставимы. Здесь можно не ограничиваться традиционным набором западно- и южно-сибирских параллелей, а привлечь материал по всей Азии, чего пока никто не делал. При этом обнаруживается, что кеты занимают промежуточное место между народами уральской расы и тихоокеанскими монголоидами — вьетами, тибетцами и китайцами, причем на графике, отражающем общий уровень сходства, кеты попадают в одну группу с тремя названными восточномонголоидными популяциями. И. И. Гохман, впрочем, разъясняет, что речь может идти о связях не с данными конкретными этносами, а вообще с тихоокеанскими монголоидами. Но почему привлечены именно такие признаки как средний угол переноса, средний горизонтальный угол лица и фацио-фронтальный индекс? Ответ содержится в других работах И. И. Гохмана: эти признаки изучены им на огромном материале и прекрасно зарекомендовали себя для расовой систематики. На первом этапе такой ответ может нас удовлетворить. Но теперь, когда обнаружилось, что кеты отклоняются от уральской расы в сторону тихоокеанских монголоидов, целесообразно привлечь уже не вообще хорошие признаки, а те, которые эффективно разграничивают именно эти две расы. Особенно удачно отвечает этой задаче один из признаков, использованных И. И. Гохманом, — средний угол переноса. Другой (средний горизонтальный угол лица), вероятно, тоже годится, хотя данных маловато. А вот третий (фацио-фронтальный индекс) явно лишний. Вместо него возьмем признак, который, как показал Н. Н. Чебоксаров, играет первостепенную роль при разграничении континентальных (в частности, уральских) и тихоокеанских монголоидов, — высоту черепа. Выясняется, что кеты весьма низкоголовые и в этом отношении типичные «северяне». По сумме рангов разностей для трех признаков ближе всего к кетам оказываются чулымцы и ненцы — те самые группы, которые, по данным Г. А. Аксеновой, и в соматическом отношении сближаются с кетами. Далее идут кызыльцы, ханты и другие уральские народы. И лишь 11-е место занимает хуэй, 12-е — китайцы. В среднем 13 западно- и южносибирских групп достоверно ближе к кетам, чем 6 тихоокеанско-монголоидных. Правда, не учтены низкоголовые тибетцы — нет данных о профилировке лица. Если исключить этот признак и провести сравнение по оставшимся двум, то наиболее сходны с кетами южные тибетцы, затем ханты и ненцы. Но сочетание двух признаков малоспецифично — тут будет сходство и с эвенками. Получается, что краниологически кеты не такие уж

«белые вороны» среди уральцев. Добавим, что соотношение типов подглазничных швов — еще один признак на черепе, дифференцирующий континентальных и тихоокеанских монголоидов, — объединяет кетов с первыми (материалы А. Г. Козинцева).

Данные о строении тела, изученные Г. М. Давыдовой и В. К. Жомовой, как будто согласуются с южной теорией. Кеты (особенно наиболее «чистые» — подкаменнотунгусские) очень грацильны и низкорослы, что отличает их от сибирских народов и сближает с южанами. Но и здесь требуется осторожность. У кетов, действительно, очень мало отношение веса к поверхности тела, что более характерно для южных популяций. Но ведь такие же величины у ненцев, селькупов и лишь немногим большие у саамов. Возникает вопрос, не являются ли и они выходцами из жарких стран?

Серологические материалы, публикуемые Ю. Д. Беневоленской и А. Г. Башлай, еще раз свидетельствуют о значительной неоднородности кетов, вызванной разобщенностью локальных групп и различной долей селькупской примеси. Кеты же в целом оказались ближе всего не к народам уральской расы, а опять-таки к тибетцам, причем снова в подкаменно-тунгусской группе это южное тяготение проявилось наиболее сильно. К сожалению, из-за недостатка данных не удалось сопоставить кетов с ненцами (впрочем, имеющиеся серологические материалы выявляют между ними сильные различия); о чулымцах сведений нет.

Вывод о том, что родина предков кетов находилась где-то очень далеко на юге, не подтверждается данными дерматоглифики (глава 4 — Г. Л. Хит). По комплексу признаков кожного узора кеты более всего похожи на представителей южносибирской и уральской рас (разные кетские группы обнаруживают разные направления связей, не выходящие, однако, за пределы Сибири). Родство же кетов с тибетцами Г. Л. Хит исключает.

В общем, гипотеза о связях кетов с южными монголоидами остается гипотезой — заманчивой, но не доказанной. Это не означает, что надо вернуться в привычный и замкнутый круг сибирских параллелей. И. И. Гохман совершенно прав, указывая, что сходство кетов с сибирскими народами могло возникнуть в результате длительной метисации. Но этому же могла способствовать и адаптация к сходным климатическим условиям. Отсюда следует, что любые южные черты кетов требуют особо пристального внимания и впредь ни одно исследование по антропологии кетов не сможет обойтись без привлечения общеазиатских материалов.

Этнографическая часть сборника включает лишь одну статью «К истории родоплеменного состава кетов». Она написана в середине 60-х годов ныне покойным исследователем народов Сибири Б. О. Долгих и подводит итог многолетнему изучению кетов. В работе использованы ценнейшие архивные материалы, охватывающие период с XVII в. (т. е. со времени проникновения в Среднюю Сибирь русских) до начала XX в., а также полевые данные, собранные автором в 20-е годы. Наибольший интерес представляют документы XVIII—XIX вв., большинство которых не вошло в предыдущие публикации Б. О. Долгих; они легли в основу работы. Таким образом, охвачена эпоха более чем в 300 лет, что позволило не только исследовать ряд аспектов традиционной социальной организации одной из групп кетского этноса — северных (так называемых инбатских) кетов, но и осветить вопросы их этнической истории.

Данные автора показывают, что история кетов в XVIII—XIX вв. была тесно связана с историей некоторых групп селькупов, в частности баихинских и карасинских. Он выявляет преемственность между родовыми группами кетов с XVII в. до переписи 1926 г., сличая фамилии и личные имена. Используя записи браков, автор распределяет кетов по экзогамным группам и характеризует те родовые и территориальные подразделения кетского этноса, о которых есть сведения в архивных источниках. Большой интерес представляют данные об изменении численности кетов с XVII в. по 1926 г.

При небольшом объеме работа насыщена значительной информацией статистического характера, сведенной в 39 таблиц, весьма полезных не только специалистам по истории и этнографии кетов, но и исследователям региона в целом. Остается лишь пожалеть, что составленные Б. О. Долгих списки брачных пар кетов с XVIII по начало XX в. не вошли в публикацию.

В работе Вяч. Вс. Иванова «Кето-американские связи в области мифологии» миф используется в качестве источника для выявления древних этнических связей. Речь идет о так называемом мифе о разорителе птичьих гнезд у кетов (отчасти у хантов) и у индейцев Америки. В принципе подход автора к данной проблеме возражений не вызывает: рассматриваемые сюжеты, несомненно, очень древнего происхождения; определенное сходство между кетскими и индейскими текстами налицо. Насколько, однако, выявленные параллели специфичны именно для кетов и для индейцев северо-запада Северной Америки и Бразилии?

В статье автор, говоря об индейской мифологии, основывается почти исключительно на четырехтомнике К. Леви-Стросса. Споры нет, этот выдающийся труд не только крупный шаг в теории, но и самая обширная на сегодняшний день антология мифологических текстов аборигенов Америки. Но французский исследователь не стремился дать полный обзор индейских мифов. Он рассматривает лишь отдельные ареалы, мотивы и темы, заинтересовавшие его по той или иной причине. Миф о разорителе гнезд известен в Южной Америке не только в «наиболее труднодоступных районах Бразилии», как пишет Вяч. Вс. Иванов, и вовсе не исключительно в связи с мотивом добывания огня.

Можно говорить о двух главных вариантах данного сюжета у южноамериканских племен. Согласно первому, мальчик (реже юноша) оказывается в ловушке — обычно (но не обязательно) на вершине дерева или скалы, откуда он не может слезть без посторонней помощи. Часто он попадает туда по приказанию старшего родственника (точ-

нее, свойственника), который требует достать из птичьего гнезда птенцов или яйца. Рассердившись на героя, родственник отбрасывает лестницу и уходит. Далее герой падает к мифологическим существам, наделяющим его благами, имеющими важное значение для людей: огнем, культурными растениями, умением охотиться на крупных животных, знанием ритуалов. Причина ссоры мальчика с родственником слабо мотивирована, из чего следует, что этот эпизод — лишь проекция ситуации, характерной для второго варианта мифа, где соответствующий поступок хорошо объяснен. Первый вариант представлен главным образом в восточной Бразилии (особенно у племен *же*), а за пределами этого ареала у карибоязычных *юко* северо-восточной Колумбии. Второй вариант распространен почти по всей Южной Америке и по крайней мере на северо-западе Северной Америки. В основе сюжета лежит мотив ревности: спутник героя отбрасывает лестницу от дерева, обрезает веревку и т. п., желая отомстить за оскорбление или, напротив намереваясь погубить героя, чтобы овладеть его женой. Мифологические существа приходят герою на помощь, исцеляют его, если он был болен, и наделяют его шаманским искусством. После этого он возвращается к людям и мстит сопернику.

Легенда, сюжет которой укладывается во второй вариант индейского мифа, была записана в 1970 г. в Сибири у тофаларов. Согласно легенде, молодой охотник по совету шамана должен достать крыло молодого орла. Некий человек, который уже давно заглядывался на жену охотника, спустил его на ремнях по скале к пещере, где жили орлы, а потом сбросил ремни и ушел. Жена охотника была рада поверить в смерть мужа и вышла замуж за соперника. Однако в стойбище жила другая женщина, надевшаяся, что пропавший жив. Так и оказалось. Долгие месяцы охотник жил в пещере и ел пищу, приносимую ему орлицей. Когда орлята подросли, они спустили его на землю. Охотник убил прежнюю жену и женился на женщине, которая его ждала. Характерное для данного текста противопоставление любящей женщины неверной жене подчеркивается прежде всего в североамериканских текстах и в одном из мифов огнеземельцев. Но в целом тофаларский вариант не оказался бы чужеродным в собрании мифов почти любого южноамериканского племени. В отличие от него кетский миф лишь в деталях напоминает американские.

Было бы наивно на основании сказанного предполагать специфические связи между предками тофаларов и индейцев. Мифология (не в меньшей степени, чем археологическая культура) — явление скорее ареальное, чем этническое. Поэтому можно лишь утверждать, что сюжет зафиксирован в том большом ареале, в котором сейчас обитают, в частности, кеты и тофалары. Большая заслуга Вяч. Вс. Иванова в том, что он обратил внимание на центральносибирские параллели американским мифам, но говорить конкретно о кетско-индейских связях, нам кажется, рано. Правда, в кетском мифе (в отличие от тофаларского и от подавляющего большинства американских) присутствует, как и в мифах бразильских *же*, мотив добывания огня — но лишь именно сам мотив, тогда как общая сюжетная канва у кетов и *же* существенно различна.

Завершается сборник лингвистической частью, включающей две статьи. Первая из них — статья С. А. Старостина — в свою очередь состоит по существу из двух самостоятельных работ: реконструкции протоенисейской фонетической системы и доказательства внешних связей енисейских языков с северокавказской семьей.

Громадный объем проделанной автором работы и ограниченность места в рецензии не позволяют подробно останавливаться на частностях, тем более что реконструкция будет широко обсуждаться лингвистами разных специальностей. Основные наши замечания следующие.

С. А. Старостин пишет, что в первой части он приводит основную часть протоенисейского словаря. Остается неясным, опущена ли какая-то часть этого словаря из экономии места, либо она еще не восстановлена, или же включает лексику, не относящуюся к протоенисейской. Из этого замечания вытекает еще одно, значительно более существенное. Не все приведенные в первой части работы реконструкции подтверждены достаточным числом примеров (более одного). Иногда мы находим лишь один пример (скажем, конечный **р*, с. 146, 'горноста́й'). Однако во второй части статьи и в первой части, но в разделе, касающемся реконструкции других фонем, обнаруживаются подтверждающие соответствия (в частности, на с. 172 — 'ладонь', 'росомаха', на с. 199 — 'бедро', на с. 201 — 'клюв'). Поскольку приведенные в этих примерах слова представлены не во всех енисейских языках, можно сделать вывод, что автор не относит их к числу протоенисейских. Но тогда возникает вопрос о правомерности их использования для определения внешних связей енисейских языков. Когда приводится лишь один пример фонетического соответствия, на основании которого произведена реконструкция, необходимы отсылки к прочим примерам, подтверждающим правомерность данного соответствия.

У С. А. Старостина нет сведений относительно внутренней генетической классификации енисейских языков, имеющей большое значение для установления уровней реконструкции. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод, что все енисейские языки находятся примерно в равных генетических отношениях. Но из дальнейшего ясно, что кетский и югский языки ближе друг к другу, чем к прочим; поэтому, строго говоря, нужно было бы сравнивать кетско-югскую реконструкцию с остальными языками. Так как протоенисейский вокализм из-за плохих записей гласных в аринском и пумпокольском языках реконструируется на основании только трех языков, то реконструкции консонантизма и вокализма в принципе могут носить разноуровневый характер, который еще более усугубляется, если кетский и югский языки составляют особую подгруппу. Вообще, по нашему мнению, степень близости языков следует определять предварительно, и не по фонетическим, а по лексическим признакам, что должно предшествовать фонетической реконструкции.

Ввиду того что в современных языках в большинстве случаев мы находим позиционно обусловленные варианты фонем, не очень убедительным выглядит их отсутствие в протоенисейском. Автор реконструирует протоенисейское *b, которое в большинстве современных языков в ауслауте оглушилось и лишь в пумпокольском сохранило звонкость. Но реконструкция произведена всего на двух примерах чередования b/p в ауслауте и инлауте кетского и югского языков (кет. op/obaŋ — 'отец', с. 202, кет. ap//aba — 'мой', с. 201) и сохранения в ауслауте пумпокольского, что не является строгим доказательством. Слово 'спина' (с. 146) как раз противоречит предложенной реконструкции (в югском xɬi — at вместо ожидаемого xobaŋ, в пумпокольском kolpaŋ).

Сказанное несколько не умаляет достоинство реконструкции, которая заслуживает самой высокой оценки и в дальнейшем может потребовать лишь незначительных корректив.

Переходя ко второй части статьи, сразу следует отметить, что результаты ее выходят за рамки повседневных научных событий. Если прежде кетский язык считался генетически изолированным, а его внешние связи носили гипотетический характер, то теперь вопрос о принадлежности этого языка к северокавказской семье впервые поставлен серьезно. С. А. Старостин не является автором гипотезы о связях енисейских и северокавказских языков, но он близок к доказательству их родства. Сам автор предпочитает более нейтральное выражение — «внешние связи»; между тем, на наш взгляд, речь может идти именно о генетическом родстве, а не о контактных связях. Об этом свидетельствуют списки отождествленной лексики. В каждой из семантических групп, на которые можно разбить представленный автором материал, имеются такие важные для доказательства генетического родства, практически не подверженные заимствованиям слова, как 'луна', 'ветер', 'земля', 'дорога', 'гора', 'вода', 'глаз' и т. д. Некоторые слова, хотя в принципе и подвержены заимствованиям, в совокупности с основной, устойчивой лексикой должны расцениваться как генетически родственные. Из терминов культуры мы находим в списке лишь самые элементарные. Автор привел только имена и местоимения, так что общее число отождествленных элементов значительно больше. Совсем немногие из предлагаемых отождествлений можно было бы отвергнуть по семантическим соображениям. Некоторые лексемы носят звукоподражательный или слишком универсальный с фонетической точки зрения характер и поэтому не могут считаться надежными, но число их невелико. В списках енисейско-северокавказских соответствий приводятся также отдельные синотибетские, а иногда и ностратические корни.

Во второй лингвистической статье, написанной Е. А. Хелимским, рассматриваются лексические связи кетского языка с уральскими. Автор дает 64 новых отождествления кетских слов со словами различных уральских языков, в большинстве селькупского и 6 отождествлений между уральской лексикой и лексикой ныне мертвых енисейских языков. Во многих случаях определено направление заимствования, чему помогла предложенная в предыдущей статье протоенисейская реконструкция. Обе статьи выгодно дополняют одна другую: в одной из них продемонстрированы генетические связи кетской лексики, в другой — контактные. Помимо чисто лингвистических аспектов статья Е. А. Хелимского интересна и с точки зрения культурно-исторических связей кетов с другими народами региона.

Мы надеемся, что эта рецензия дает некоторое представление об исключительном многообразии и важности проблем, рассматриваемых в сборнике. За недостатком места мы смогли затронуть лишь некоторые из них, причем расстановка акцентов диктовалась не столько научной значимостью отдельных работ и их частей, сколько профессиональными интересами рецензентов¹. Читатели сборника, число которых, несомненно, превысит его тираж, смогут сами оценить его по достоинству.

Ю. Е. Березкин, В. И. Гохман, А. Г. Козинцев, А. Б. Спесивовский¹

¹ Антропологическая часть рецензии написана А. Г. Козинцевым, этнографическая — А. Б. Спесивовским, мифологическая — Ю. Е. Березкиным, лингвистическая — В. И. Гохманом.

Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки/Под ред. Р. С. Васильевского. Новосибирск: Наука, 1983. 151 с.

Рецензируемый сборник представляет собой итог совместной работы советских и американских специалистов по проблеме, которая только и может быть решена их общими усилиями. Это доклады, прочитанные на одноименном симпозиуме, организованном в рамках последнего, XIV Тихоокеанского конгресса, проходившего в 1979 г. в Хабаровске. Статьи по докладам разделены на две части, одна из которых озаглавлена «Древние культурные связи», вторая — «Хронология и периодизация». Подразделение это в высшей степени условно, и многие статьи можно было легко переставить из одного раздела в другой, не изменив серьезно структуры сборника. Во втором разделе сборника помещена, в частности, статья В. Е. Медведева о раскопках средневековых чжурчженских курганов в Приамурье, не имеющая непосредственного отношения к его содержанию.